

ЕРМОЛАЕВА Татьяна Михайловна —

учитель русского языка и литературы средней школы № 33 г. Якутска
schol33@post.yakutia.ru

«ТАК НЕ БЫВАЕТ!..»

УРОК ПО РАССКАЗУ ДАНИИЛА ГРАНИНА «ПЛЕННЫЕ»

VIII—XI КЛАССЫ

Аннотация. Воспитание гражданственности и патриотизма немислимо без обращения к произведениям о Великой Отечественной войне. Рассказ Гранина помогает современнику увидеть исторические факты, «прикоснуться» душой к тем трагическим событиям.

Ключевые слова: солдатский окопный быт, образ блокадного Ленинграда, неординарная ситуация, дорога жизни, «сон не наказуем».

Abstract. Education in citizenship and patriotism is unthinkable without reference to the works of the Great Patriotic War. Danil Granin's story helps to see historical facts and «touches» the soul of those tragic events.

Key words: soldier «trench» life, the image of the siege of Leningrad, an extraordinary situation, the road of life, «a dream is not punishable».

Есть в нашей литературе произведения о Великой Отечественной войне, которым не страшно время. Авторы их хорошо известны нескольким поколениям россиян, читаемы и любимы: Б.Васильев, Ю.Бондарев, В.Быков

и многие другие советские, российские писатели.

А есть произведения малознакомые широкой публике, ещё не открытые школьной методикой, но имеющие право на всенарод-

ную известность. К таким можно отнести небольшой рассказ Даниила Гранина «Пленные» (1964). В нём нет ужасающих батальных сцен, примеров фашистских зверств, яркой героической самоотверженности советских людей

и т.д. Есть просто бойцы, держащие оборону под Ленинградом, есть окопный солдатский быт, и есть люди, выживающие в блокадном городе. Но этот рассказ не уступает признанной прозе о войне ни в жизненной правде о «роковых сороковых», ни силой эмоционального воздействия на читателя, ни напряжённостью повествования.

Этот рассказ можно рекомендовать как в VIII—X классах в рамках уроков внеклассного чтения, так и в XI классе, где учебной программой предложено обязательное изучение темы «Великая Отечественная война в литературе XX века».

Гранин скуп в описании условий, в которых оказались защитники Ленинграда. И только благодаря учителю ребята обращают внимание на детали, которые делают их не просто читателями, но и участниками событий 41-го года.

Первый урок начинается с задания, которое может быть подготовлено как домашнее задание: на основе текста создайте образ окопного солдатского быта.

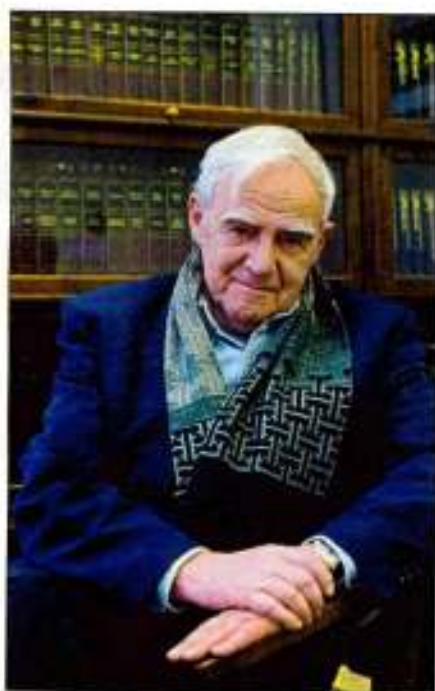
Ребята находят следующие детали:

— «Передний край немцев выступал клином, острый клин подходило к нашему взводу совсем близко, метров на полтораста. Когда оттуда дул ветер, слышно было, как выскрывают консервные банки. От этих звуков нас лютянивало... Дёсны опухли, они были как ватные. Шинель, винтовка, даже шапка становились с каждым днём тяжелее. Всё становилось тяжелее, кроме лапки хлеба».

— «Нам полагались валенки. У нас во взводе была одна пара валенок».

— «Кирзовые сапоги промерзали насквозь. Пальцы на правой ноге болели, обмороженные».

— «Максимов дал мне ломтик картошки. Она была гнилая. Я посасывал её осторожно, чтобы не тянуть кровь из дёсен».

Даниил Гранин

Е. Корнеев. Диорама «Блокада Ленинграда». Фрагмент

— «От слабости мы были такими лёгкими, что казалось, ветер этот может унести и покатыть нас по проспекту».

Эти и другие детали «разбросаны» по рассказу и не всегда могут быть замечены учениками. Но собранные в единую картину, они поражают современных читателей своей страшной правдой. Этот образ солдатского быта помогает не только воспроизвести историческую обстановку, но, главное, — создаёт на уроке тот эмоциональный настрой, при котором достигается эффект открытия и сопричастности: «Неужели так было на самом деле? А мы смогли бы сейчас вот так же, как они?» — поражаются учащиеся.

Кто же они, эти солдаты, вершившие победу?

Главный герой рассказа, Толя Горшков, показан Граниным в двух планах: до войны и во время войны. Работая над образом, учащиеся приходят к выводу: перед нами два разных человека. Сам Толя, вспоминая себя в довоенном Ленинграде, осознавал: «Мы были совсем чужие люди. Я знал всё, что он делал, но никак не мог понять, почему он так делал и почему он так жил. А он и вовсе не знал меня».

Задание для первой группы: «Каким показан Толя до войны?»; для второй: «Каким мы видим героя во время войны?»

Учащиеся 1-й группы: Толя Горшков до войны был обычным парнем, каких было миллионы в нашей стране, таким же, как и мы: «...ходил на лыжах, носил полосатую футболку, ездил трамваем в институт». Когда Толя был маленьким, он ездил с матерью в Лесотехническую академию к отцу на трамвае № 9 и очень любил смотреть в окно. А потом на этой же «девятке» Толя Горшков ездил каждое утро в институт. «У Флогова подсаживались наши ребята из общежития. В вагоне становилось тесно и жарко...». А ещё Толя когда-то лю-

бил немецкий язык, который давался ему легко: «Наверное, у меня была хорошая память».

Учащиеся 2-й группы: Толя Горшков — солдат Красной армии, защищающий блокадный Ленинград: «Мы сидели в окопах под Пушкиным».

Он стоит на часах, но стоять невозможно: «На таком морозе нельзя было останавливаться», и он шагал, ступая на пятку, превозмогая боль в обмороженных ногах. Благодаря знанию немецкого языка Толя мог бы служить в штабе, где нужны были переводчики с «проклятого немецкого» (1). Но «...я хотел стрелять, а не возиться с пленными».

Даниил Гранин отказывается от героического пафоса в изображении солдат, наоборот, они обессилены от голода и холода, и, констатируя сильных, сытых немцев, Горшков и Максимов боятся, что те могут справиться с ними «голыми руками». «Мы падали в снег, и в последний раз, когда мы упали, я остался лежать... Голова у меня стыла от мороза, и меня всё сильнее тянуло в сон... Я уже не чувствовал пальцев. Вряд ли я сумел бы выстрелить, если б немцы побежали... От слабости мы были такими лёгкими, что казалось, ветер этот может унести и покатыть нас по проспекту».

Весь сюжет рассказа построен на абсолютно неординарной и фантастической ситуации: два пьяных немца, чудом пройдя через заминированную нейтральную полосу, доходят до передовой советских солдат, позволяют взять себя в плен и засыпают мертвецким сном. И даже проснувшись в советской землянке, молодой немецкий лейтенант продолжает верить в то, что всё это сон: «Ничего. Рихард, я проснусь, и окажется, что я лежу у Грандборта на диване. Ефрейтор смотрел на него со страхом».

— А я? — тупо спросил он.

— А ты тоже пьяный, как свинья, валяешься в коридоре».

Но пробуждение неизбежно и страшно.

Следующую часть рассказа можно условно назвать «дорогой жизни». Во-первых, потому что дорога в город Пушкин, куда обессиленные и голодные Горшков и Максимов конвоируют здоровых и сильных пленных, становится по-настоящему дорогой выживания. Во-вторых, «дорога жизни» — это понятие, неотъемлемое от блокадного Ленинграда (можно дать опережающее индивидуальное задание по этой теме или поставить документальное видеосопровождение «Блокадный Ленинград»).

Обратимся к классу:

— Можно ли утверждать, что конвоирование немецких солдат помогло выживанию наших бойцов?

Учащиеся находят подтверждающие примеры в тексте:

— «Немцы ждали меня у подножия насыпи. Я скатился прямо на них. Они расступились. Им ничего не стоило повалить меня, отобрать винтовку».

— «Я крикнул Максиму. Я испугался, что он замёрзнет».

— «Завыла мина. Немцы бросились в снег. Я остался стоять, только скался весь. Я чувствовал, что если лягу, то уже не поднимусь. И Максимов остался стоять».

— «Я уже не чувствовал пальцев. Вряд ли я сумел бы выстрелить, если б немцы побежали».

Но немецкий лейтенант продолжает верить в то, что всё ему снится, потому что «...Так не бывает!».

Просим найти в тексте детали, убеждающие немцев в нереальности происходящего («Жизнь не может быть так ужасна... Сон... Сон не наказует...»).

И эти скупые, незмоциональные, на первый взгляд, детали по-настоящему ужасают своей «обычностью» жизни блокадного города: — замёрзший старик в разбитом трамвае, в той самой «девятке». Он тоже когда-то зашёл в него укрыться от морозного ветра. «O, mein Gott! So das geht es nicht» («Так не бывает!»);

— дом в разрезе: «...и перед нами была комната, стол, накрытый клеёнкой, на столе блестела селедочница... Открытая дверь вела прямо в небо».

— Видишь! — обрадованно сказал лейтенант ефрейтору... — Так не бывает... А может, вообще вся эта война приснилась... »;

— Девичьи золотисто-пепельные волосы старухи (оксиморон).

А когда немец увидел сани с уложенными в два ряда мертвецами и труп молодой женщины, по лицу которой стучали чьи-то ноги, он прохрипел: «Боже, сделай так, чтобы я проснулся!»

Учащиеся понятна реакция молодого солдата, Толи Горшкова, который, понимая речь немцев, вдруг бросается на лейтенанта: «Внезапно я понял, что никак не могу доказать ему, что это не сон. Чтоб он ни видел, он будет твердить свой, и ничем его не убедить...» И даже если расстреляют этих немцев, они никогда не осознают всю трагедию и ужас войны, в которой повинны. И только взрослая мудрость Максимова примиряет Толю с этой си-

туацией: «...Пусть он утешается. Иначе тронуться может. Приведём психа, какой с него "язык" будет?!»

По-человечески понятна и реакция немецкого ефрейтора, который бросается на своего лейтенанта: «Он предал фюрера... Задушу!.. Он у меня проснётся... Ночью задушу...» Он ждал приказа, немецкая выучка не позволила ему нарушить субординацию. А если бы ещё и не последствия пьяного дурмана, этот ефрейтор один мог бы справиться с двумя измождёнными советскими конвоирами.

Последним этапом работы на уроке может стать приём устного рисования:

— Каков образ осаждённого города, созданный Даниилом Граниным?

Учащиеся отмечают, что образ горящего Ленинграда «...со своими шпилями, и трубами, и соборами, и дымными столбами пожара...» в этом рассказе не просто фон, а действующее лицо, символ Родины, в которой происходит настолько страшное, что даже немецкий офицер находится на грани помешательства: «Так не бывает!..»

Обращаем внимание на слова Толи Горшкова: «А я боюсь... Нет, я другого боюсь... что потом забуду всё, вот я чего боюсь».

— Может ли такое случиться? Можно ли забыть всё то, что происходило в нашей стране в годы Великой Отечественной войны?

Учащиеся верно отвечают на этот вопрос, тем самым определяя идею произведения: «Гранин боится того, что об этой войне когда-нибудь забудут потомки. Но мы такое уже никогда не забудем!»